

Смягчение права

В рамках одиннадцатой ежегодной конференции НАУФОР «Российский фондовый рынок 2016» прошел круглый стол «Вопросы противодействия отмыванию денежных средств»

По результатам прошлого года было принято решение создать в НАУФОР еще один профильный комитет, который будет заниматься исключительно вопросами ПОД/ФТ (прежде с этими проблемами работал комплаенс-комитет). Провести круглый стол, посвященный этим вопросам, впервые решили также и на конференции.

Участники: Сергей Лукьянов, член Совета директоров НАУФОР (модератор); Светлана Веселова, заместитель начальника отдела департамента финансового мониторинга и валютного контроля Банка России; Вадим Таркин, референт статс-секретаря — заместителя директора Росфинмониторинга, заместитель начальника отдела юридического управления; Анастасия Балашова, ведущий специалист службы финмониторинга по ПОД/ФТ ЗАО «СОЛИД Менеджмент»; Михаил Гусев, руководитель службы внутреннего контроля ИК «ВЕЛЕС Капитал»; Павел Дмитриев, начальник отдела финансового мониторинга ООО «АЛОР +»; Галина Зюзюлькина, АО «Сбербанк Управление Активами»; Светлана Иванова, начальник отдела ПОД/ФТ ИК «Ай Ти Инвест»; Александр Колпашиков, руководитель отдела ПОД/ФТ ИК «ФИНАМ».

Сергей Лукьянов. Коллеги, предлагаю начать наше обсуждение. Хочу поблагодарить докладчиков, которые нашли время, чтобы прийти сюда.

НАУФОР проводит конференцию 11-й год подряд, но круглый стол по вопросам ПОД/ФТ инициирован впервые. Происходит это вот почему. У НАУФОР, как вы знаете, есть различные профильные комитеты, и вопросы противодействия терроризму всегда рассматривались на комплаенс-комитете. Однако по результатам прошлого года было решено выделить новый комитет, который будет заниматься исключительно вопросами противодействия отмыванию. Такой комитет был организован, его руководителем выбран Александр Колпашиков. Именно поэтому на конференции решили провести круглый стол, посвященный данным вопросам. У нас присутствуют два регулятора — от Росфинмониторинга и Центрального

банка. Каждый из них готов комментировать и дать свое видение того, что будет дальше.

Круг вопросов, по которым мы сегодня пройдемся, — бенефициарные владельцы, идентификация владельцев и клиентов; отсутствие четких критериев для идентификации, общие узкие места: обучение сотрудников кредитных организаций, штрафы, проблемы управляющих компаний и проблемы малых компаний.

Вадим Таркин расскажет нам о работе Росфинмониторинга.

Вадим Таркин. Хотел бы поздравить НАУФОР с тем, что у них появился специальный комитет по ПОД/ФТ.

Тема чрезвычайно важная. И, пожалуй, начну с международной тематики, без которой не обойтись. Людям, желающим понять, как будет развиваться работа в этом направлении, я хотел бы сказать, что все ответы содержатся в книге «Международные стандарты противодействия отмыванию доходов. Рекомендации FATF». Если вы откроете методологию проведения ПОД/ФТ государством, то там обнаружите все то, к чему нам предстоит готовиться.

В кулуарах у меня было ощущение, что многие должностные лица сейчас озабочены регуляционными рисками. Мягкое право (а рекомендации FATF — это как раз мягкое право)

является довольно нестандартным подходом в рамках российского континентального права. Проблема в том, что мягкое право все прочнее и прочнее входит в нашу повседневность. Наш модератор сказал, что здесь есть представители двух регуляторов. Росфинмониторинг — это нетрадиционный регулятор. У нас есть несколько поднадзорных субъектов с точки зрения статьи пять 115-го федерального закона. Но в основном мы занимаемся policy making, то есть формируем политику, занимаемся законотворческой деятельностью и совместно с Банком России вырабатываем различные решения, которые позволяют соот-

ветствовать международным стандартам и в некоторых случаях облегчать участие субъектов финансового мониторинга. Мягкое право, по мудрому выражению профессора советских времен Тункина, — это чуть больше, чем рекомендация, но чуть меньше, чем закон.

И мы вынуждены существовать в пространстве международных стандартов. Международные стандарты, если брать резолюцию Совета безопасности 2005 года, являются обязательными. Поэтому все изменения, которые вы видите, — это не прихоть регулятора, это в некотором смысле наши международные обязательства. Мы стремимся к тому, чтобы это не создавало проблем для трансграничных отношений. А трансграничные отношения во многом зависят от того, насколько доверяют партнеры. Вы когда-нибудь сталкивались с практикой противодействия коррупции FCPA (Foreign Corrupt Practices Act)? Или UK Bribery Act? Все эти направления комплаенс-деятельности так или иначе вовлекают элементы доверия к партнеру, который находится за рубежом. Прозрачная качественная система ПОД/ФТ позволяет быть уверенным как в своем контрагенте, так и в том, что контрагент будет доверять вам.

В 2018 году России предстоит пройти четвертый ряд оценок по линии FATF. Это будет очень сложная оценка, поскольку она будет включать не только оценку технического соответствия (то есть, хорошо ли у нас написаны законы), но и, самое главное, как они работают. Какие кейсы, есть ли случаи уголовных дел, есть ли действительные показатели того, что административные санкции позволяют в достаточной степени регулировать каждый сектор финансового мониторинга и достигать желаемого результата. Это настолько комплексные и масштабные вопросы, что в рамках деятельности одного профучастника вся эта международ-

ная «говорильня», может быть, не так интересна. Тем не менее если вы задаетесь вопросом, что же будет дальше, то можно открыть методологию FATF по проведению оценки. Вы обнаружите там, например, 10-ю рекомендацию «Надлежащая проверка клиента» (custom due diligence) и многое другое. Пункт 10.20 методологии гласит: субъект финансового мониторинга может провести операцию даже при отсутствии достаточного объема сведений о лице в рамках идентификации, если попытка выявить такие сведения может повлечь раскрытие факта принятия в отношении него мер по противодействию отмыванию доходов. Сейчас этого в законодательстве нет. Если вы знаете, что попытка идентифицировать клиента отпугнет его, то можете не полностью проводить идентификацию, но при этом обязаны отправить сообщение в уполномоченный орган. Так в теории это выглядит в технических стандартах FATF. Фактически, конечно, в законодательстве такого нет, поэтому прошу не рассматривать то, что я вам сказал, как норму, которую можно применять. Это просто пример того, что грядет.

Конечно, современные тенденции таковы, что из-за присутствия мягкого права в нашей континентальной правовой системе мы часто вынуждены сталкиваться с такими вещами, как, например, доступные в сложившихся обстоятельствах меры. Вы сталкивались с такой формулировкой? Возникал вопрос, как ее трактовать? Вся суть в том, что специалисты в рамках нашей традиции вечно нуждаются в максимальной конкретике. Регуляторам поступает бесконечное количество писем с просьбой разъяснить, как же применять этот пункт. Весь нюанс заключается в том, что англосаксонская (или англо-американская, как уже принято говорить) правовая система строится на том, что определение круга применяемых мер

происходит естественным путем, в ходе различных судебных споров. То есть какой-нибудь субъект финансового мониторинга решил, что такая-то мера допустима, регулятор это оспорил, они встретились в суде, суд посчитал такую меру допустимой. Вуаля! Мы получаем решение суда, на которое можно в будущем ссылаться как на пример одной из мер, которая может реализовывать норму, закрепленную в законе.

К сожалению, в России все устроено немножко по-другому — решение суда, не имеющее прецедентный характер, не позволяет на него ссылаться, для того чтобы говорить, что эта мера достаточна. В процессуальном смысле. Фактически-то, конечно, мы можем на него ссылаться. На формулировки, с которыми вы сталкиваетесь, следует смотреть не зашоренным традиционным взглядом, а попытаться посмотреть чуть шире.

Это, что называется, речь застрельщика. Если говорить о конкретных интересных моментах, то это возникновение у нас института выявления трастов. Если кто помнит, в 1992 году был указ президента о рецепции концепции трастов в Российской Федерации. Этот указ уже давно не действует, и, на мой взгляд, рецепция была очень прямолинейная, но сейчас в 115-м законе появилась такая структура, как ИСБЮЛ — иностранная структура без образования юридического лица. И без понимания того, как работают механизмы трастов и каковы возможности их применения в Российской Федерации (конвенция 1985 года о возникновении трастов и применения к ним права, законы офшорных юрисдикций), вы не сможете применять нормы в полную силу. Траст создается в пространстве иностранной юрисдикции, и понять его можно только через законодательство иностранной юрисдикции.

Вы знаете, что Россия является членом Евразийского экономического союза. Сейчас в ЕАЭС проходят внутри-

государственные согласительные процедуры, которые обеспечат доступ на организованные торговые площадки друг друга брокеров и дилеров государств — членов. Это очень интересная тема — создание единого финансового рынка. Но когда я посмотрел соглашение, я понял, какие сложности это создает с точки зрения доверия. Например, к вам придет брокер из другого государства — члена Евразийского экономического союза. Будете ли вы доверять этому брокеру, когда будет осуществляться доступ к организаторам торгов? Действительно ли соблюдаются внутренний комплаенс и процедуры, связанные с надлежащей проверкой клиентов?

Изначально все забывают о том, что система ПОД/ФТ, берущая свое начало с 1989 года, когда была принята Конвенция по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, начиналась как система, которая должна была выявлять лицо [подозреваемое в отмывании средств], хранить эти данные и в нужный момент представлять правоохранительным органам. Основная цель была — знать, кто этот человек, и предоставить данные правоохранительным органам.

Сейчас комплаенс-процедуры стали такими сложными, что это выходит за пределы простой идентификации лица. Мы вступили в эру надлежащей проверки клиента. Это не просто идентификация данных о лице, это еще недавно возникший институт проверки источника происхождения денежных средств. Это тоже чрезвычайно интересный вопрос, поскольку там есть широкая диспозитивная норма, которая оставляет на усмотрение организации необходимость такого выявления.

Повторюсь, моя речь была, если можно так сказать, застрельнической. Мне лишь хотелось окунуть вас в различные материи, с которыми приходится иметь дело.

Готов поучаствовать в дискуссии.
Сергей Лукьянов. Спасибо, Вадим.

Сразу очерчен дополнительный круг вопросов. Это и ЕвразЭС, и регуляторный арбитраж.

О вопросах, касающихся бенефициарных владельцев, расскажет сейчас Александр Колпашиков.

Александр Колпашиков. Добрый день, коллеги.

В рамках работы комитета НАУФОР по ПОД/ФТ был сформирован ряд вопросов, в том числе вопросы, адресованные регулятору и полномочному органу. На что хотелось бы обратить внимание.

Цель процедуры идентификации клиента — установить, кто проводит операцию и в чьих интересах. Когда мы накручиваем на все это слишком многое, то получаем мишуру никому не нужных и никак не применимых практик. Нельзя анкету или досье клиента превращать в толстую книгу. Бизнес предлагает прийти к гармонизации этих сведений. Следует понять, что действительно нужно знать и какого объема этих сведений будет достаточно.

Все проблемы мы сегодня не обсудим, но есть предложение акцентировать внимание на особо острых. Следует отметить разницу подходов Росфинмониторинга и Банка России. Есть некие противоречия в разъяснениях и рекомендациях. Хотелось бы свести всех акторов — бизнес, Росфинмониторинг, Банк России — вместе и обсудить предельно четкие и ясные правила.

Хотелось бы обратить внимание и на опасность слишком общих правил. Безусловно, когда каждый субъект может определить свои процедуры и меры, а затем работать с ними, это дает пространство для маневра. С другой стороны, это может повлечь череду придирок и предвзятого отношения. В некоторых случаях диспозиция хороша, в некоторых все-таки лучше конкретизировать.

В частности, бенефициарного владельца закон определяет как физлицо, либо в конечном счете (прямо или

косвенно, через третьих лиц) обладающего преимущественным правом владения 25%, либо это тот, кто может контролировать действия клиентов. Отсюда начинается ряд вопросов. [Например, есть] юридическое лицо, у которого пять владельцев, каждый с долей владения 20%. Кто из них бенефициарный владелец? Как мы должны определить это для себя? Как мы покажем это проверяющему? Этот вопрос все-таки требует четкого обозначения.

Сейчас на рассмотрении в Государственной думе находится уточнение в 115-й закон. Будет конкретизировано, что каждое юридическое лицо в стране должно определить своего бенефициарного владельца. И опять нигде не сказано, каким образом это будет формализовано. Будут ли это выписки при регистрации или это следует раскрывать на каком-то общем ресурсе?

Какими документами в принципе можно подтвердить бенефициарное владение? В Германии тоже отсутствует прецедентное право, но они как-то живут с нормами FATF. Мы опираемся на англосаксонское право и как образец берем Кипр или BVI. Да, конечно берем, потому что у них есть понятие «владения для». То есть у них может быть трастовая декларация. Мы часто встречались с тем, что приходит кипрская контора, у которой есть акционеры. Мы понимаем, что это акционеры номинальные, только для того, чтобы компания была в юрисдикции. Но траст закрыт, трастовую декларацию нам никто не покажет. Мы ее требуем, нам отвечают, что ее нет. Значит, эти акционеры являются бенефициарными владельцами, — если следовать букве закона.

Этот вопрос тоже можно обсудить, его тоже нужно решить. Хотим ли мы все-таки увидеть, кто стоит за юристом — или же хотим лишь формально задокументировать и отчитаться, что выполняем нормы закона?

Есть еще вопрос бенефициарного владельца у физического лица, который опять же дается нам на откуп. Как мы можем определить, что у физического лица есть бенефициарный владелец? В системе англосаксонского права один гражданин может попросить заключить для него договор доверительного управления или брокерский, а тот, кого он просил, будет владельцем счета. В нашей системе права это невозможно. У нас есть институт попечительства, родители, законные представители, доверенные лица. В нашей системе может прийти некто, которому рядом сидящий говорит «подпиши здесь и здесь», а сам при этом представляется просто другом. Далее подпавший исчезает, а счет живет своей жизнью.

Вот нужно ли это выявлять, фиксировать? Нужно ли брать паспорт у бенефициарного владельца?

Сергей Лукьянов. В качестве бенефициарного владельца можно указать Александра Сергеевича Пушкина, проверить это невозможно. Через некоторое время Александр Сергеевич Пушкин придет открывать счет, и окажется, что у него в паспорте последняя цифра не такая, как указана в анкете. Что с ним делать?

Александр Колпашиков. Это уже практическое применение, когда в ритейле много клиентов. Мы действительно сталкивались с тем, что клиент приносит доверенность, а потом приходит поверенный, открывает счет, а у него регистрация другая. Кстати, хотелось бы коснуться и регистрации. Как устанавливать место жительства: на основе документа или все-таки записывать со слов?

Сейчас есть новое указание Центрального банка о внесении изменений в 444-П. И там как раз говорится, что некоторые контактные данные можно брать со слов. С точки зрения закона, место жительства — для граждан России это все-таки документально

подтверждаемая информация. Для иностранцев — нет.

По документу, удостоверяющему личность, тоже сложилась интересная ситуация. Если говорить о гражданах России, то сегодня брокер может принимать следующие документы, удостоверяющие личность: паспорт гражданина России, временное удостоверение личности и свидетельство о рождении. А для банков в 499-П указано, что можно брать документ, удостоверяющий личность за пределами России, то есть загранпаспорт. Сейчас брокерам тоже разрешат [принимать загранпаспорт]. При этом положение о деятельности зарегистрированного лица — участника организованных торгов определяет, что для физического лица, достигшего возраста, с которого выдается общегражданский паспорт, данные об этом лице должны содержать номер и серию общегражданского паспорта. И соответственно, организатор торговли не может регистрировать это физлицо ни по временному удостоверению личности, ни по загранпаспорту. Отсюда опять проблема. К брокеру приходит клиент, открывает счет, потом у него истекает паспорт, он приходит с временным удостоверением личности, брокер заносит его данные. Но должен ли брокер снести код и сказать клиенту, что он сейчас торговать не может?

Эти вещи нужно обсудить. В описанной ситуации мы попадаем либо под формальное нарушение, либо начинаем формально ужесточать требования к клиентам. А основная цель брокера — дать клиенту свободный доступ на рынок и не мешать ему.

В упрощенной идентификации мы тоже столкнулись с рядом проблем из области практического применения. Участникам рынка рекомендовали сверять паспорта клиентов с сайтом ФМС. ФМС декларирует свой сервис как информационный, а не официальный. Нам рекомендуют пользоваться этими сервисами как официальными.

Приходит клиент, показывает паспорт, по данным ФМС этот паспорт недействителен. То есть как недействителен? — спрашивает клиент. — Вот он я, вот мой паспорт.

В форме обратной связи на сайте ФМС клиент просит проверить сведения. Через три дня паспорт действителен. А нам как действовать в этой ситуации? Не открывать счет? Заблокировать торги?

Новое указание о внесении изменений в 444-П сейчас немного облегчит нашу жизнь. Допускается не обновлять сведения, если клиент не совершает операции и если приняты все надлежащие, то есть допустимые и возможные, меры по обновлению его сведений. Что считать допустимыми и всеми возможными мерами? Когда у вас имеется 200 тысяч клиентов, допустимая мера — это емейл. Брокер послал автоматический емейл, клиент не ответил. Сейчас мы вынуждены писать им письма в личные кабинеты. Когда эта настройка встает в область практического, то, может быть, стоит подогнать ее под клиента.

В соответствии с 10-й рекомендацией FATF раз в год нужно обновлять сведения клиентов. Безусловно, нужно. Но вопрос — какого клиента? Если клиент совершает операции, он не подозрительный, не на повышенном уровне риска, его паспорт бьется с данными ФМС, то какой смысл направлять ему запрос еще раз? Кому это нужно — госорганам, или нам, или FATF? Может быть, есть смысл это действие перевести в практическую область? Ужесточить требования [по идентификации], только если клиент совершает подозрительные операции. Так было в свое время, когда по клиентам с повышенным уровнем риска нужно было обновлять сведения раз в полгода.

Банк России опубликовал «Основные направления развития финансового рынка», где говорится, что основная его как регулятора цель — это защитить потребителя, дать возможность инвестору почувствовать себя защищенным, войти

на рынок, заработать и приумножить. В этом же ключе возможен и подход к ПОД/ФТ. На совместном комитете НАУФОР с представителями регулятора и уполномоченного органа надо гармонизировать подходы, чтобы они не были формальными и госорганы получали реально важную и необходимую информацию, и она была бы объективной и своевременной.

Спасибо.

Сергей Лукьянов. Тема, близкая к идентификации бенефициарных владельцев — это идентификация самих клиентов. Может, Павел Дмитриев сможет нам помочь.

Павел Дмитриев. Я хотел бы поделиться практическим опытом принятия на обслуживание клиентов при помощи удаленных каналов идентификации.

В 2016 году мы получили возможность идентифицировать клиента по упрощенной схеме — получать при идентификации только фамилию, имя, отчество и реквизиты документа, удостоверяющего личность. При этом если мы будем говорить о таком понятии, как «удаленная идентификация с целью заключения договоров», то его в 115-ФЗ нет. Есть понятие «упрощенная идентификация».

Тем не менее упрощенная идентификация содержит ряд ограничений, которые не позволяют широко использовать этот способ.

Какие это ограничения? С чем может столкнуться в принципе любой профучастник?

Каким способом можно провести упрощенную идентификацию?

Первое — получив оригинал документа и надлежащим образом заверенную копию документа. При этом мы понимаем, что клиент должен непосредственно появиться в офисе. Второй способ — это получение информации о клиентах из баз данных. Это контур СМЭВ (Система межведомственного электронного взаимодействия), который сейчас еще не заработал в полную

силу. Мне не известны профучастники, которые используют эту систему. Использование единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) является частью системы СМЭВ.

При упрощенной идентификации участник получает от клиента только минимум информации. При этом клиент может совершать операции, которые подлежат обязательному контролю; или операции, которые вызывают у сотрудников ПОД/ФТ подозрения в том, что они осуществляются с целью легализации [средств, полученных преступным путем]; или с целью уйти от процедуры обязательного контроля. В такой ситуации участник финансового рынка вынужден провести повторную полную идентификацию. В итоге мы имеем дополнительные издержки для участника финансового рынка, для клиента, не говоря уже о возмущении клиента, почему он должен повторно предоставлять документы.

Как быть в этой ситуации? Отказаться ли вообще от возможности удаленного заключения договоров? В своей практике мы предлагаем клиентам заключить с нами договор брокерского депозитарного обслуживания дистанционно при условии, что клиент зарегистрирован на портале госуслуг, представляет нам право получить свои персональные данные из баз данных ЕСИА. То есть на первом этапе мы заключаем с клиентом просто договор об электронном документообороте. Клиент получает доступ в личный кабинет для присоединения к электронному документообороту и сертификата усиленной электронной подписи. И уже после этого мы проводим полноценную идентификацию клиента, которая позволяет избежать тех неприятностей, о которых я говорил выше.

Спасибо.

Сергей Лукьянов. Коллеги, есть ли у вас комментарии?

Светлана Иванова. Я согласна с коллегами. В большинстве случаев по-другому действовать не получается. Потому что

когда спрашиваешь у физического лица о цели заключения договора, ответ будет всегда один — совершение сделок на фондовом рынке. Все это выливается в заполнение больших анкет и далее загрузку этих анкет в системы. Я представляю крупного брокера, который может обновить анкеты только автоматизированным способом. Это значит, что всю анкету надо разложить в учетные системы. И при изменяющемся законодательстве необходимо иметь систему, которая может перезаполнить это за клиента. Анкеты не заполняет ни один клиент. Один процент из 100% клиентов обладает обязательством что-то предоставить брокеру.

Также хотелось бы отметить, что идентификация связана с выявлением ПДД, РПДД и так далее. То есть на брокере лежит обязанность составлять большой изменяющийся список. И готовые решения (например, те, которые дает «Интерфакс», если мы используем их списки) можно рассматривать как нарушения. То есть, с одной стороны, на рынке есть решение, которое позволяет проводить идентификацию, нажав одну кнопку, но мы имеем штат сотрудников, которые проверяют клиентов по всем этим спискам.

Я думаю, что большинство профучастников не намерено отклоняться от выполнения 115-ФЗ, но хотелось бы иметь современные инструменты, которые позволят делать это быстро и удобно. Держать штат программистов может не всякая компания, все силы направлены на нормальное взаимодействие клиента с биржами.

В упрощенной идентификации мы сейчас тоже столкнулись с проблемами. В частности, по ЕСИА мы выявили такую особенность: подтвержденный статус, который имеет клиент в личном кабинете, несколько лет назад можно было получить без подтверждения личности. В 115-ФЗ прописана строчка, что клиент должен подтвердить свою личность одним из способов лично. Пока

мы не нашли технической возможности сделать [это]. Сейчас общаемся с всевозможными разработчиками. Как можно проверить, что лицо действительно получило через «госуслуги» статус, подтвержденный посредством личного присутствия? (Я как «физик» смогла получить информацию от сайта госуслуг по телефону.) Сервис сырой, но мы намерены его использовать, развивать и делать более клиентоориентированным. Михаил Гусев. Мы уходим от риска того, что клиент не получал подтверждение лично, следующим образом. До момента присоединения к электронному документообороту клиент не является клиентом по профдеятельности, он им становится только лишь после того, как мы его сами идентифицируем. То есть, по большому счету, мы не используем механизм упрощенной идентификации для клиента как клиента-профучастника. Сервис ЕСИА используется только для получения данных для заключения ЭДО.

Светлана Иванова. Хотелось бы услышать, как смотрит на этот вопрос регулятор. Если формально читать 115-ФЗ, там четко прописана личная явка. Хотелось бы обозначить эту проблему. Если она решится техническим способом, мы будем очень рады.

По вопросам обновления я тоже поддерживаю коллег: формально это делать трудоемко. Мы для себя определили путь, который считаем достаточным. Это формирование анкет за клиентов, рассылка в личный кабинет, письма по емейлу. В случае отсутствия информации ставится галочка, что данные обновлены. Требования исполнены, но физически данные не обновлены. Чтобы идти в ногу со временем, мы можем интегрироваться со СПАРКом, где есть возможность получать в режиме онлайн по физическим лицам сведения о директорах, но стоимость этих программных решений довольно высока.

Какие бы инструменты мы могли использовать, чтобы упростить жизнь не-

счастливым СДЛам? Пока дойдешь до выявления операций, предстоит огромный пул бумажной работы. Программисты вообще ничего не хотят слышать о том, что нужно что-то менять в этой части.

Сергей Лукьянов. Затронут уже огромный пласт дополнительных вопросов. Давайте вернемся все-таки к идентификации как бенефициарных владельцев, так и самих клиентов.

Вадим Таркин. Я совсем коротко прокомментирую. Приятно осознавать, что живешь не в башне из слоновой кости. Все то, что вы говорите, мы понимаем. Но должна быть воля к тому, чтобы менять законодательство. FATF — это всего лишь инструмент, который обеспечивает доверие международного сообщества. Если у вас есть большие объемы трансграничных операций, то оказавшись в черном списке FATF, вы не обрадуетесь тому количеству клиентов, которое у вас будет с точки зрения работы за рубежом. Это нужно понимать. Это международные обязательства, а не вопрос прибыли отдельно взятого бизнеса.

Вы сейчас наговорили на большое количество изменений в законодательство. Так что, если завтра мы начнем все менять, то вы же будете сетовать, зачем так быстро меняются законы. Надо успевать давать временной лаг, для того чтобы мы осознавали, что происходит. Если мы будем слишком быстро все менять, то это тоже кому-то не понравится. Довольных никогда нет. Есть бесконечные попытки создать систему сдержек и противовесов.

Светлана Веселова. Я хотела бы прокомментировать вопросы, которые прозвучали в выступлении Михаила. Это очень актуальные вопросы, они возникают из практики и уже неоднократно возникали и у банковского сообщества. От имени департамента финансового мониторинга и валютного контроля мы отвечали на них. Все ответы размещены в «Консультанте» и на сайте ассоциации. Я хотела бы предложить еще раз обобщить все вопросы, отправить их от

имени вашей ассоциации в департамент финансового мониторинга и валютного контроля. Мы дадим на них ответы, и вы потом сможете довести их до всего сообщества. Они очень интересны, актуальны, и если мы еще раз повторимся, это все равно будет хорошо.

Сергей Лукьянов. Спасибо, Светлана. Именно потому мы создали комитет при НАУФОР, чтобы снять как можно больше вопросов.

Александр Колпащиков. Получается уже очень много вопросов. Давайте обсудим их так, чтобы это было удобно и участникам рынка, и комитету. Письма мы, конечно, направим, но как раз и не хотелось вас заваливать письмами.

Сергей Лукьянов. Следующий вопрос касается отсутствия четких критериев.

Светлана Иванова. Я постараюсь выразить общее мнение профессиональных участников. Веду речь о брокерах, дилерах и доверительных управляющих, потому что управляющие компании — это совершенно отдельная тема, и, я так понимаю, у нас есть спикер на этот счет.

Я поддерживаю Вадима по поводу стремления к международным стандартам. Очень люблю почитать отчеты FATF, имела опыт работы с международным правом. И хотелось бы выразить мнение, что там все проще. Это не значит, что там все понятно, но сам подход международного права не настолько формализован с точки зрения наличия документов. Одна из первых проблем — это необходимость фиксации результатов проверки почти по ста критериям. Когда я спрашивала коллег, какие они используют признаки, чтобы выявить подозрительные операции, их оказалось всего два. Первый — это запутанный необычный характер сделок (с небольшой спецификой у каждого клиента). В правилах соответствующее описание занимает около десяти страниц. Прочитать это сложно, автоматизировать это невозможно. Если мы идем по пути не просто формального следо-

вания 115-ФЗ, то чтобы среди миллиона операций выявить подозрительные и не заспамить Росфинмониторинг миллионами сообщений, хотелось бы услышать, есть ли какие-то пути решения именно формального подхода, то есть складирования бумажных сообщений.

Запутанный необычный характер сделок сам по себе как критерий — сложно применим. Последнее письмо МР-10 Банк России выпустил по поводу схем серого импорта. Это те операции, на которые стоит обращать внимание. Это, я считаю, то, чего ждут профучастники, — письма, которые позволяют обращать внимание на какой-то пул операций. Потому что проблема у всех одна: что значит финансирование терроризма для брокера, который не работает с наличным оборотом. Это наводит нас на мысль о международном праве. Там, если я не ошибаюсь, нет обязательного контроля как такового. Есть ряд критериев-признаков, которые по своему усмотрению принимают финансовые организации, выявляя непосредственную взаимосвязь. Если операция попала под определенный признак, она визуализируется именно в этой компании. Возможно я ошибаюсь, но обязательный контроль сейчас сложен для профучастников по причине необходимости фиксации.

Возможно ли рассмотреть (в будущем при изменении законодательства) неприменение обязательного контроля для тех профучастников, у которых чисто технически его не может быть. Например, требования выявлять операции обществ оборонного комплекса привело к тому, что по одному из пяти клиентов всего пула нам необходимо настраивать автоматизацию направления этих сообщений нам в отдел. Потому что строить каждые три дня отчеты затруднительно. У СДЛ много и других обязанностей. Хотелось бы понять, действительно ли мы как профучастники играем какую-то роль в системе противодействия, сообщив об этой операции.

Сергей Лукьянов. Я дополню Светлану. Ряд рекомендаций в сфере контроля не учитывают деятельность самих профучастников. Одно дело, когда участник находится в составе крупной группы, и совсем другое дело, если это отдельный профучастник. Что такое деятельность профучастника? Это вводы и выводы клиентских средств. Известно, что 236-е письмо регулятора как раз советует обращать внимание на вводы-выводы активов, которые не влекут уплаты налогов. А какие налоги могут быть у профучастника с клиентского счета? НДС нет, да и налоги не платятся. Ввод-вывод денег никак не говорит о том, что получена прибыль. А если прибыль получена, то платится она, как правило, с других счетов, не с клиентских. Когда банки со стороны смотрят на деятельность профучастника, то он для них транзитер, вот и все. Поэтому отсутствие учета специфики деятельности профучастников затрудняет небольшим профучастникам открытие простых счетов в банке.

Александр Колпашиков. Поддержу Светлану. Нам же еще отдали систему ПОД/ФТ и систему репортинга подозрительных операций, клонированную с банков, без учета специфики профдеятельности. У банка — ввод и вывод денег, а у нас есть еще покупка-продажа бумаг, репо вне биржи. Все эти моменты есть в разъяснительных письмах, но есть до сих пор действующие письма 2006 года, а есть письма 2013 года, и они уже немножко друг другу противоречат. Может быть, обратить внимание на то, что профдеятельность сильно отличается от банковской?

Светлана Иванова. Буквально еще два слова о личном кабинете и о сложности заполнения сообщения. Это огромный набор символов и знаков. Руками это набивать невозможно. Поэтому либо мы идем по пути сознательного уменьшения этих операций, либо есть автоматизированные системы, о которых, возможно мы просто не знаем.

То есть хотелось бы отметить сложность использования личного кабинета. Может, Росфинмониторинг подскажет нам какое-то ПО, с помощью которого мы сможем загружать и отправлять сведения.

Спасибо.

Галина Зюсюлькина. Коллеги, хотела бы добавить про личный кабинет. Действительно проблема есть. Это как формирование сведений о любых операциях, так и обязательный контроль, а также результаты проверки и так далее. Хотелось бы, чтобы личный кабинет работал эффективнее, быстрее.

Вадим Таркин. Это вопрос правосознания. Многие вещи, которые в 90-х годах нам казались невообразимыми, сейчас кажутся вполне естественными. На Западе принято сообщать, когда за руль сел пьяный человек. У нас сообщают об этом? Не уверен.

Это вопрос изменяющегося правосознания. Конечно, примерно 90% составляют сообщения, поступающие из кредитных организаций. Кредитные организации — это кровеносная система экономики государства. Но сейчас и от профучастников стало поступать много вопросов по ПОД/ФТ. Количество вопросов свидетельствует о том, что режим ПОД/ФТ начинает эффективно работать.

О личном кабинете сказать вам, к сожалению, не смогу. Понимаю, что современные технологии таковы, что некоторые организации уже работают с big data, другие еще не работают. Кто-то уже перешел на machine learning, а мы здесь говорим просто об эргономике. Давайте все-таки определимся. Есть моменты правовые, есть моменты эргономики, есть моменты издержек. Например, система риск-ориентированного подхода как раз и направлена на то, чтобы ваши издержки снижались. Если вы будете качественно анализировать клиентов, то сможете направлять на рискованных клиентов большее количество сил,

а на низкорискованных — меньшее. Я понимаю, что вы хотите все автоматизировать, но все мы автоматизировать не сможем. Попытаться анализировать клиента, понять, чем он занимается — это аспект социальной нагрузки, безопасности финансовой системы. Это не вопрос прибыли.

Мы вдруг сталкиваемся с тем, что вынуждены выполнять требования, которые направлены на все общество в целом. То есть иногда не надо мыслить в пределах компании, надо мыслить в пределах общества. Я понимаю, что не отвечаю на конкретные вопросы, а говорю общие вещи (*смех в зале*)... Но не на все вопросы регулятор способен ответить, потому что практическая деятельность организации понятна только ей самой.

Светлана Иванова. Так, может, как-то изучать тех, над кем вы устанавливаете требования.

Вадим Таркин. Мы изучаем тему. Вот упомянули 115-ФЗ по бенефициарному владению. А вы видели, что сейчас творится в рамках Панамагейт относительно единых реестров бенефициарного владения с автоматическим обменом в Европе? Вы сталкивались с объемом законодательных требований за рубежом?

То, о чем вы рассказываете, мы знаем и над этим работаем. Но конкретика выясняется на бумаге. Формат встречи — другой. Это формат обсуждения цели, видения регулятора, обсуждения, к чему мы идем.

Сергей Лукьянов. Конечно, формат беседы подразумевает нужду очертить круг вопросов, проблем. Это, разумеется, так.

Светлана Веселова. Я хотела бы немного прокомментировать по поводу сомнительных операций: объем информации, которую надо направлять в Росфинмониторинг в этой связи, очень велик. Да, действительно в 445 положении Банка России в требованиях к правилам внутреннего контроля содержится большой блок признаков необычных сделок для профучастников. Этот блок

перешел из действующего ранее 103-го приказа Росфинмониторинга. Он скорректирован с учетом деятельности профильного департамента Банка России и с учетом позиции Росфинмониторинга. Это говорит о том, что признаки необычных сделок, которые сейчас заложены в этом акте, важны и нужны. Это сигналы, которые говорят о подозрительной операции. Хотела бы также напомнить, что к этим признакам не надо подходить формально. Если они имеют место быть, значит, они подлежат направлению в Росфинмониторинг. Задача организации — обратить внимание на этот индикатор, зафиксировать его, проанализировать и принять решение. Если нечто является подозрительным, это подлежит направлению в Росфинмониторинг.

Спасибо.

Сергей Лукьянов. Я думаю, что пора перейти к третьему блоку вопросов. Сейчас мы обсудим обязательное обучение сотрудников.

Павел Дмитриев. Добрый день, уважаемые коллеги! Я коснусь нескольких вопросов обучения сотрудников.

Первый вопрос: целесообразно ли обязательное последовательное проведение двух видов целевого инструктажа — инструктажа при изменении нормативных актов и при изменении ПВК? Мы, как известно, проводим обучение, если изменили нормативные акты, и потом обучаем ПВК, которые были изменены на основании этих нормативных актов. Получается, что мы часто проводим два обучения по одним и тем же изменениям. Насколько это целесообразно? Мы предлагаем отказаться от проведения повторно обучения по одним и тем же изменениям, проводить один инструктаж. Впоследствии изменения будут отражены в ПВК, и получается, что сотрудники уже будут обучены этим изменениям при проведении обучения по нормативным актам.

Если правила будут меняться по собственной инициативе организации, про-

водится инструктаж, предусмотренный для тех случаев, когда меняется ПВК.

Второй вопрос. Предлагаем предусмотреть в 34-7У возможность обучения в зависимости от исполняемых функций подразделения или сотрудника. С этой целью, наверно, можно использовать уже существующий опыт указания 485-У, которое предусматривает обучение для кредитных организаций. Там есть пункты 2.4.1 и 2.4.3. Вкратце речь идет о том, что объем содержания инструктажа может определяться, исходя из занимаемой сотрудником должности, уровня квалификации и конкретной трудовой функции. Хотелось бы предусмотреть такую возможность на 34-71 и распространить ее на все виды обучения. Таким образом мы сможем обучать тем или иным изменениям тех сотрудников, которым это действительно необходимо. Например, изменения форм анкет сотрудникам бухгалтерии, скорее всего, будут не нужны.

Третий вопрос. Хотелось бы проводить обучение тем изменениям в законодательство, которые имеют отношение к деятельности организации. В качестве обратного примера можно привести относительно недавнее изменение 407-ФЗ. Эти изменения касаются деятельности кредитных организаций и микрофинансовых компаний.

В качестве второго примера можно привести 505-й закон и изменения в 115-ФЗ. Этим законом были предусмотрены изменения в перечне статей уголовного кодекса, являющиеся основанием для включения лица в перечень террористов. Вряд ли эта информация существенна с точки зрения работы организации. Мы работаем уже со списком, в который кто-то внес. Внесен ли этот кто-то по 280-й статье УК или 282-й, нам с точки зрения нашей работы не очень важно. **Светлана Веселова.** Спасибо, Павел, за ваши замечательные вопросы.

По поводу первого вопроса. Да, действительно когда вносятся изменения в 115-й закон или в нормативные акты, в

течение трех рабочих дней нужно провести обучение. Когда вносятся изменения в нормативные акты, они касаются всех. Когда вы вносите изменения в правила, то обучение нужно провести для того, чтобы сотрудники знали, каким способом, в каком порядке изменения, внесенные в законодательство, будут реализованы.

То есть изменения в законодательство — это общий момент, изменения в правила — это уже практическая реализация. На мой взгляд, было бы неправильно исключить обязанность проводить обучение при смене правил внутреннего контроля.

Теперь третий вопрос. Прозвучало, что если вносятся изменения для микрофинансовых организаций, то инвестиционных компаний они не касаются. Инвесткомпании в этом случае не должны проводить обучение. Если вы хорошо помните норму пункта 3.4 указания 34-71-У, то там сказано, что организация проводит целевой внеплановый инструктаж при внесении изменений в законодательство, если они относятся к сфере деятельности организации.

Также указание 34-71-У дает организации самостоятельно определять формы обучения, объемы, его содержание и так далее. То есть для разных категорий сотрудников организация сама может определить разный объем обучения и разный формат.

Указание 34-71-У дало хорошую возможность организации выбрать, каким образом будет осуществляться обучение — своими силами или силами сторонних организаций. Сейчас Банк России не установил требования к программе обучения, к объему, как это было раньше. Вы можете подстроить системы обучения так, как вам удобно. Я надеюсь, я ответила на ваш вопрос.

Сергей Лукьянов. Сейчас, в частности, рассматривался вопрос о снижении нагрузки для маленьких профучастников. Подразумевается, что в рамках уменьшения нагрузки на малые

компаниям им позволят не создавать отдельные подразделения ПОД/ФТ, и функции СДЛ позволят возлагать на контролера. Это замечательно, удобно и хорошо, за исключением одного «но». Под маленькими компаниями подразумеваются компании со штатом всего в пять человек. Понятно, что пять человек — это какая-то законсервированная компания, готовящаяся к продаже или к чему-то подобному. Наверно, есть компании со штатом в пять человек, но реально очень много компаний со штатом в 10–15 человек. Если умножить число пять на два, а лучше на три, под эти рамки подойдет очень много компаний, и очень многие вздохнут с облегчением.

Светлана Иванова. Приведу пример законодательства и правил внутреннего контроля. Что скрывается под словами «провести обучение». В указании, как я его читаю, написано, что компания обязана провести целевой инструктаж в определенных случаях, оформить свидетельство тем способом, который сама себе установила, и получить собственноручную подпись.

Есть срок приведения правил в соответствие, когда надо в обязательном порядке обучать сотрудников. В нашей компании люди дважды проходят инструктажи, и на одно изменение есть две обязательные бумажки. Кто-то еще ведет отдельный журнал учета. Получается вообще четыре подписи. Положение улучшилось, если бы было возможно отправить емейл об изменении в законодательство, но в текущей ситуации, насколько я помню, это невозможно.

Светлана Веселова. По поводу собственноручной подписи — это действительно момент, который нужно скорректировать.

По поводу свидетельства — его не требуется выдавать каждый раз.

Светлана Иванова. А где зафиксировать собственноручную подпись сотрудника, что он прошел обучение? Если упразднить требование обучать

сотрудников при каждом изменении законодательства (пусть даже оно касается работы компании, но не влечет изменения правил того документа или инструмента, который использует сотрудник), это облегчило бы задачу СДЛ, но не нанесло бы урон знаниям сотрудников. Я думаю, что понимают, что это формальный вопрос — разослать документ и потом собирать подписи. Обучить сотрудников — в наших интересах, но сделал это в более простом варианте. Крупные профучастники (у которых обучаются по 50, 100 человек), я думаю, поддержали бы это предложение.

Светлана Веселова. По поводу собственноручной подписи — согласна. Во втором полугодии у нас планируется переработка этого указания.

Сергей Лукьянов. У нас еще остался вопрос о минимизации штрафов за действия, не повлекшие за собой серьезного ущерба обществу, гражданам и так далее. **Анастасия Балашова.** Информацию по уже примененным к профучастникам штрафам собрать не удалось. Слава богу, у тех, у кого проверяли, ограничились только предупреждениями.

Я взяла судебную практику по кредитным организациям с отозванными лицензиями, чтобы показать, как это работает с ними. Статьей 13 115-ФЗ и пунктом 4 статьи 44 Закона о рынке ценных бумаг установлена возможность отзыва и аннулирования лицензии в случае неоднократного нарушения в течение одного года требований к кредитным организациям и профучастникам. Туда включено любое, даже мельчайшее нарушение, которое дает возможность отозвать лицензию. В этом смысле кодекс об административных правонарушениях составлен более логично, потому что есть пункт 1 статьи 1527, который устанавливает только штраф. 2-я статья уже устанавливает возможность приостановления административной деятельности на срок до 60 суток, затем 90 суток. А здесь два закона дают воз-

возможность не учитывать тяжесть правонарушения и то, какие меры до этого применялись.

Я посмотрела судебные акты. Отзывают лицензию на основании несоблюдения акта о банках и банковской деятельности, но в каждый акт вписывают 115-ФЗ с различными формулировками, например «в части неполного соответствия внутреннего контроля».

Сергей Лукьянов. Насколько я помню, и раньше у ФСФР была возможность отзывать лицензии профучастника за несколько нарушений подряд. Но к счастью, нынешний регулятор не пользуется ядерной кнопкой.

Анастасия Балашова. Эта норма прописана так, что у суда даже не будет возможности удовлетворить ходатайство о признании нормативного акта незаконным, потому что суд действует только в рамках закона. Суд не смотрит на справедливость и обоснованность, а смотрит именно на законность. Я считаю, что решения должны быть более правильными с точки зрения того, что если вы отзываете лицензию по основаниям крупных, серьезных нарушений, то не надо туда писать более мелкие. Такие решения должны быть понятны тому, кто читает их. Я считаю, что это будет более правильным.

Сергей Лукьянов. У нас остался вопрос проблем управляющих компаний.

Галина Зюзюлькина. Я хотела бы обратить ваше внимание на 445-П, а конкретно отнесение управляющих компаний к малым и к микропредприятиям. Если управляющая компания не относится к микропредприятию, у нее должен быть штат ПОД/ФТ два человека. Хотелось бы обратить внимание, что большинство управляющих компаний, имеющих трех клиентов и штат 15-20 человек, не могут позволить себе выделить две штатные единицы на это направление.

Сергей Лукьянов. Видите, какой актуальный вопрос: даже «Сбербанк

Управление активами» просит это сделать.

Вторая актуальная проблема — это сделки с недвижимым имуществом, подлежащие обязательному контролю. Мы понимаем, что сделок от трех миллионов достаточно много. Дабы снять наплыв сообщений в Росфинмониторинг (и часть работы с сотрудников комплаенса и бэк-офиса), возможно ли рассмотреть увеличение суммы сделки с недвижимым имуществом до более существенной суммы?

Анастасия Балашова. Тоже хочу сказать о сделках с недвижимостью. Мы ходили на обучение, где представитель Росфинмониторинга говорил, что была мысль возложить эту обязанность на Росреестр, благо у них есть информация вообще по всем сделкам. Единственное, что у них платежки не по всем сделкам, потому что законом не предусмотрена такая обязанность.

Вадим Таркин. Дискуссия по обязательному контролю идет. Необходимо анализировать существо сделки с точки зрения того, влечет ли она переход права собственности на недвижимость.

Это старая проблема, мы знаем. С Росреестром ведутся определенные дискуссии. В целом вопрос актуальности тех или иных положений статьи шестой в части обязательного контроля поднимается постоянно и на парламентских слушаниях. Мы со своей стороны открыты к дискуссии. Одним из препятствий для Росфинмониторинга является вопрос, связанный с выявлением оправдывающей базы, то есть насколько целесообразно убирать те или иные операции. Даже было исследование, которое демонстрировало, какие операции пользуются спросом, по которым поступают сообщения, по каким нет. Поэтому, да, дискуссия возможна.

Порог суммы сейчас будет меняться. Тут есть сложный момент. Нам надо оправдывать те или иные изменения в

законодательство, оценивать их риски и последствия. Возможность внесения изменений требует фактуры.

В письме вы высказываете свое видение, а мы говорим о чуть более сложном процессе. Российская Федерация должна провести национальную оценку рисков. Это будет масштабный документ (может быть, через год-полтора), где будут проанализированы все секторы, в которых действуют организации, осуществляющие операции с денежными средствами и иным имуществом, и будет сделана попытка выявить угрозы и риски в тех или иных секторах. То есть все это будет учитываться в законотворческой деятельности.

Я согласен с тем, что к профучастникам нужен особый подход. Но процесс несколько отличается от того, чтобы просто высказать проблему.

Сергей Лукьянов. Спасибо, коллеги. Наша задача была — обрисовать круг проблем, чтобы обозначить их для регулятора, затем структурировать и облегчить жизнь и себе, и регулятору. Спасибо за внимание. □